

12 III

12 III

Слепой бог с десятью пальцами

1

На самом деле все началось даже чуть раньше. Когда я в очередной раз ломал голову, пытаюсь найти ответ на вопрос: почему в слове «сверхъестественный» так много букв? И где, черт побери, на этой клавиатуре располагается твердый знак? Невозможно работать в таких условиях!

Я, который за час может придумать сюжеты для трех-четырех повестей! Или даже романов!.. Да, так, если не отвлекаться в течение этого часа на кофе и сигареты и насильно не притормаживать свой мыслительный процесс. То есть подрезать крылышки своей фантазии. Вы спросите почему?

У вас не возникло бы этого вопроса, если бы вы хоть раз увидели, как я печатаю.

Со скоростью обленившегося зомби, страдающего артритом. Двумя пальцами, причем один из них нажимает только на клавишу «пробел». И еще: мне редко удается поднять глаза от клавиатуры, чтобы взглянуть на экран монитора.

И что в итоге? Один рассказ в неделю. Одна повесть в полгода. И раз в месяц — возможность полюбоваться на ленивое выражение лица моего литературного агента. Вот, как сейчас примерно.

В тот день примерно было так.

— Послушай-ка, — обратился он ко мне — обратился, как обычно, не назвав меня по имени. — А почему бы тебе не записаться на курсы стенографисток? Или, — тактично поправился, — стенографистов? Знаешь, есть такой слепой десятипальцевый метод? По-моему, это разом решит все твои проблемы. А то так и будешь всю жизнь тюкать по клавишам, точно Сивка-Бурка — серая лошадка...

Меня всегда удивляло, как человек с таким чувством языка может работать литературным агентом. И ведь не только моим.

— Хорошо, мистер Зоз, я подумаю.

«Мистер Зоз» — так он представился при нашей первой встрече, и так я к нему затем и обращался на протяжении всего нашего знакомства...

Спустя два месяца и двести восемьдесят долларов, когда пальцы мои запорхали над клавиатурой, словно пять пар бабочек в период брачных танцев, а стопка распечатанных листов, раз в день выплываемая моим принтером, достигла толщины среднего еженедельника, я согласился, что, да, пожалуй, на этот раз мистер Зоз оказался-таки прав. Слепой десятипальцевый метод действительно решил все мои проблемы.

Все палки из колес были вынуты. Все бейки в колеса, как сказал бы мистер Зоз, наоборот, вставлены. И я почти физически ощущал, как поток освобожденной фантазии заструился из моего мозга прямо к пальцам, а от них, через клавиатуру компьютера, — прямо на бумагу. Разве нужно еще что-нибудь творческому человеку для счастья? Да, вы правы: немного наличных тоже бы не помешало...

Первый укол беспокойства, после которого у меня возникло сомнение (а все ли так безоблачно на моем творческом небосклоне?), я ощутил, когда работал над повестью «Битва со льдом». Работа была заказная, специально для альманаха «Слияние»; очередная попытка объединить в рамках одного проекта жанры

научной фантастики и фэнтези. По этой причине мне следовало написать повесть в таком же компромиссном стиле: нечто среднее между «Конан-Варваром» и «Конными варварами», если вы понимаете, о чем речь...

Придется, видимо, сказать пару слов о сюжете «Битвы со льдом». Это может оказаться полезным для понимания дальнейших событий.

В общем, главная героиня повести — сильная и решительная женщина, что, однако, не мешает ей обладать чрезвычайно привлекательной внешностью и до поры скрытыми телепатическими способностями. А после того, как на ее родной город обрушиваются глобальные катаклизмы, вызванные проклятием пришлым злым волшебником Рэдноузом, она из главной героини становится практически единственной. Что ей, оставшейся без семьи, крова, друзей, остается делать? Вы что, правда не догадываетесь? Ясное дело — только мстить! Теперь основная цель ее жизни — найти заморского колдуна и, не мудрствуя лукаво, аннигилировать. С этой целью она и пускается в долгое, страниц на сто двадцать, сказочное путешествие, в котором ее сопровождают: верный конь Со Врас, в свое время остановленный героиней при помощи телепатического сигнала за несколько шагов до края пропасти, куда он намеревался прыгнуть, чтобы покончить жизнь в соответствии с древней традицией коней-самураев, не справившихся с возложенной на них миссией, и маленький мальчик, собственноручно вынесенный героиней из горящего дома. И после стандартного набора приключений вся троица добирается до замка злого волшебника, где и вступает с ним в финальный, с предсказуемым исходом, поединок... Вот такой, если вкратце, незатейливый сюжетец. По крайней мере, таким я его себе представлял.

Основная проблема с этой повестью заключалась в том, что о своем возможном участии в альманахе я узнал всего за два дня до окончательного срока представления рукописей. Если честно, мне и предложили-то в нем участвовать только из-за того, что другой, гораздо более известный автор внезапно попал в больницу с каким-то безрадостным диагнозом. Так что для автора с моим именем (я имею в виду, с именем, которое даже литературный агент не в состоянии вспомнить) этот альманах представлял собой реальный шанс, как метко подметил мистер Зоз, «выйти в тираж». Понятно, таким шансом следовало воспользоваться.

Я сидел и печатал сутки напролет и все равно чувствовал, что не успеваю. Проблема была уже не в пальцах, а в глазах: мне ведь обязательно нужно прочитывать с экрана то, что я печатаю. А читаю я, должен признаться, очень медленно.

В общем, я печатал, стараясь ничего вокруг не замечать, кроме строчки символов, бегущей по экрану. И вдруг в какой-то момент... Я отвлёкся ненадолго: за окном залаяла собака — вот я и перевел взгляд за окно, подумав, уж не мистер ли Зоз решил нанести мне визит. Когда я вновь заставил себя сосредоточиться на экране, то с удивлением обнаружил, что за эти несколько мгновений мои пальцы не только не прекратили своей работы, но и напечатали раз в пять больше, чем можно было ожидать за столь короткий промежуток времени.

С некоторым недоверием я внимательно прочел последние абзацы. С виду все нормально. Повествование продолжалось в прежнем темпе, было связным и не выходило за рамки моего обычного стиля. Кроме орфографических ошибок: их не было! Что, скажем так, для меня не очень характерно.

Единственное, что меня тогда все-таки смутило: я ведь даже не успел подумать о том, что напечатали мои пальцы! И еще... была там такая фраза: «И четырехгранное лезвие шпаги вонзилось в горло ненавистного...» Но постойте! Разве лезвие шпаги не круглое в своем сечении?

Начиная с этого момента я уже не мог полностью контролировать творческий процесс. И неполностью тоже. Мои пальцы, черпая вдохновение из неизвестного источника, со сверхъестественной (теперь я мог напечатать это ненавистное слово быстрее, чем за две секунды) скоростью формировали на экране повествование. И кстати, насколько я успевал заметить, неплохое повествование.

А заметить я успевал немного. Максимум две-три строчки, пока очередная страница на экране не сменялась следующей. Поэтому уже вскоре, осознав тщетность своих усилий, я демонстративно отвернулся от экрана и уставился в окно. По двору, уныло и хрипло твякая, бегала маленькая собачка с неопределенной родословной. Ветер лениво подбрасывал вверх опавшие листья, иногда метко попадая ими прямо в открытый бак для сжигания мусора. Начиная капать мелкий дождик. И все это под непрекращающееся постукивание клавиш.

Забавно, раньше у меня редко возникала возможность просто посидеть, посматривая в окно.

На дорожке, ведущей к дому, показался мистер Зоз. Одной рукой он удерживал над головой «дипломат», прикрываясь им от дождя. В другой руке был зажат почему-то так и не раскрытый зонтик. И, только увидев в окне приближающегося мистера Зоза, я вдруг осознал, что вокруг меня что-то изменилось. Нескольких секунд мне хватило, чтобы понять, что же именно. Стук клавиш прекратился!

Я взглянул на монитор. Так и есть! В конце текста на последней странице, большими буквами, с тройным интервалом между ними, было напечатано:

К О Н Е Ц

Еще одно! Ведь раньше я никогда так не заканчивал свои произведения — просто ставил дату окончания работы, и все.

Когда прозвенел звонок, первые страницы повести уже вылезали из принтера.

— Ну как? — приветливо спросил мистер Зоз, поглядывая на часы. — Повесть готова?

— Н-ну... да, — ответил я без особой уверенности в голосе.

— Действительно? — Казалось, он был слегка удивлен. — Что ж, посмотрим. — И, подойдя к принтеру, стал выхватывать прямо из его пасти листок за листком. — Интересно, интересно, — комментировал он, сощурился глаза.

Неужели он читает с такой скоростью?

Бегло взглянув на последнюю страницу, мистер Зоз удовлетворенно хмыкнул, сложил все листы в пачку и убрал ее к себе в «дипломат». Затем вынес вердикт:

— Совсем, совсем неплохо! Конечно, сейчас нельзя с уверенностью сказать, в чью сторону повернется стрелка часов. Но шансов у тебя много. Они все небольшие, но их много. Не уменем, а числом, как говорится. В общем, завтра я иду на переговоры с издателем, а потом позвоню тебе.

Когда дверь за ним закрылась, легкая волна паники пронеслась по поверхности моего сознания.

Господи, что же я ему отдал?

И потом: что он имел в виду, когда говорил про стрелки часов?..

На следующее утро (или, если следовать основным принципам реализма, на следующий день) меня поднял с постели звонок мистера Зоза.

— Все отлично! — бодро закричал он в трубку, словно пытаясь заразить меня своим оптимизмом. — Повесть взяли! Издатель в восторге! Он принял решение увеличить тираж альманаха втрое. Представляешь, втрое! И это только благодаря твоей повести! А когда издатель дочитал до того места, где ты убиваешь героиню, он просто...

— Я... убиваю? Кого? Э, прости, я еще не совсем проснулся, поэтому...

— Ну когда твоя героиня замерзает, а ты еще выводешь такую прочувствованную сентенцию страницы на три о том, что на самом деле в ее гибели виновато не столько колдовство Рэднуза, сколько общая безысходность, которая...

— Постой, постой, — не слишком вежливо перебил я. — Так она там что, умирает?!

— Ну ты и шутник! — добродушно усмехнулись в трубке. — Спроси еще, не оказывается ли мальчик, спасенный героиней, незаконнорожденным сыном колдуна. Или как Со Врас в финальном поединке убивает Рэднуза при помощи золотой подковы.

— Золотой подковы?

— Ну ладно, ладно, — успокаивающе сказал мистер Зоз, — должно быть, ты и вправду еще не проснулся. Отдыхай пока. И... — тут он выдержал эффектную паузу, — готовься к новым подвигам. Я сейчас как раз обсуждал с издателем идею о двухгодичном контракте. Пока, конечно, ничего конкретного, но, как говорится, стучите и обращайтесь!

Будучи все еще не до конца уверенным, что не сплю, я вежливо попрощался с литературным агентом и повесил трубку. В наступившей тишине отчетливо тикнули настенные часы. Минутная стрелка при этом слегка переместилась. В мою сторону!

Я с головой погрузился в творческий процесс. Хотя нет: в процессе участвовали только пальцы. А голова как раз занималась всем, чем придется. Что в нее придет, ха-ха, тем и занималась.

Основное преимущество моего слепого метода печати над всеми остальными «слепыми» состояло в том, что во время работы мне не нужно было смотреть не только на клавиатуру, но и на монитор. Поэтому вместо того чтобы тупо пялиться на экран, заполняемый печатными знаками со скоростью двести символов в минуту, я установил перед ним подставку для бумаг и, пока мои пальцы трудились над созданием новых шедевров, успевал хотя бы бегло просмотреть распечатку вчерашних текстов. Правда, успевал не всегда. Постепенно тексты становились позавчерашними, потом — позапоза... А потом их стало так много, что я плюнул на все и поставил на место монитора телевизор. Если я не ошибаюсь в хронологии событий, первое из таких моих произведений, кстати получившее премию «Небьюла», а именно «Тень тени моей», было написано как раз в тот вечер, когда я внимательно следил за полуфиналом чемпионата мира по хоккею с шайбой.

А почему бы и нет, собственно? Стиль произведений был моим, идеи тоже вполне узнаваемые. Уверен, я написал бы в точности то же самое, если бы работал по старинке, двумя пальцами. Правда, времени это бы заняло на порядок больше. Так что я мог бы без зазрения совести поставить свою подпись под любым вышедшим из-под моих пальцев произведением. И ставил же!

И кроме того, в текстах по-прежнему не наблюдалось ни единой орфографической ошибки!

Как вы поняли, я отнюдь не перестал читать свои произведения. В конце концов, кого же еще почитать на сон грядущий, если не себя? И я частенько подходил к полке, на которую заботливо выставлял все свои книги в порядке их издания (со временем правильнее стало говорить — «к полкам»), и раздумывал, чего бы такого мне сегодня полистать? Предпочтение, конечно, отдавалось произведениям, взявшим в этом году какую-нибудь престижную премию...

Главное неудобство моего положения заключалось в следующем: чертовски много времени приходилось проводить

ФАНТАСТИКА

за компьютером. Но с этим я ничего не мог поделать — ведь не могли же мои пальцы существовать отдельно от меня!.. Ладно, еще никто не утверждал, что труд писателя всегда легок и приятен.

Забавная деталь: рост моей популярности среди читателей и издателей можно было легко проследить, наблюдая за постепенной эволюцией личного транспорта мистера Зоза. В начале нашего знакомства он приезжал ко мне домой на «фольксвагене» 78-го года. Потом на смену пришел «бьюик». Правда, продержался он совсем недолго: когда тираж моей очередной книги был «удвоен впятеро», его сменил невообразимо длинный, кажется восьмиместный, черный лимузин. Через некоторое время я заметил, что место водителя в лимузине занято каким-то толстым лысым негром в белых перчатках и в фуражке с козырьком, а мистер Зоз перебрался то ли на третий, то ли на четвертый ряд сидений. Ну а потом, после того как мне вручили премию имени А.Э.По за вклад в американскую литературу, я практически уже никогда не видел мистера Зоза в лицо: в общении со мной он ограничивался телефонными звонками, а за очередными рукописями присылал кого-нибудь из своих многочисленных помощников.

Впрочем, я, кажется, отвлекся.

Мне приходилось проводить за компьютером по восемь часов в день. За это время я успевал покрыть убогим шрифтом где-то около сотни листов. И наравне с этим: просмотреть пару фильмов, несколько викторин и программ новостей по телевизору, пару часов просто понаблюдать за уличными прохожими. Если честно, я даже пытался спать во время работы. Правда, к сожалению, безуспешно.

Ну и многочисленные интервью разным изданиям, от которых все равно никуда не деться, я давал, тоже не прерывая творческого процесса.

— Скажите, почему вы приняли решение отправить одного из самых популярных своих героев — Лурхва Вуавра — в отставку?

— Простите... как, вы сказали, его имя?

(Общий смех.)

— Будет ли продолжен сериал «Тиарские молочайники»?

— Конечно... если будет на то воля бога. Моего слепого десятипальцевого бога.

(Общий смех.)

— Если не секрет, над чем вы работаете в данный момент?

— Сейчас посмотрим. Если честно, самому немного интересно... Та-ак. Тут написано: «Тиарские молочники в плену у Лурхва Вуавра». Пардон, не «молочники», а «молочайники». Я думаю, это ответ и на два предыдущих вопроса...

Иногда мой слепой метод (именно мой — у меня однажды даже возникло желание его запатентовать) преподносил мне забавные сюрпризы.

Как-то раз мне позвонил знакомый редактор. Оказалось, он растроган до глубины души. Как мне, наконец, удалось выяснить, причиной необычайного душевного состояния редактора стал мой последний рассказ, полученный им именно сегодня. Редактор что-то говорил про отрицание вековых

литературных традиций и про смелый вызов, брошенный прямо в лицо «всем этим мумифицированным еще при жизни консерваторам». Еще несколько минут потребовалось, чтобы понять, в чем же, собственно, заключался этот вызов. Суть объяснений сводилась к тому, что весь рассказ представлял собой единственное предложение. Длинной чуть больше 32 тысяч слов... Наскоро попрощавшись с редактором и пообещав ему и впредь никак не стискивать себя тесными рамками традиционности, я сразу же принялся за поиски злополучного рассказа и, найдя его, собственными глазами убедился, что редактор говорил правду.

Раздумья не заняли много времени — уже вскоре я понял причину, подвигшую меня на создание столь странного творения: на моей клавиатуре сломалась клавиша, печатающая точку. На то, чтобы позвонить в компьютерный магазин и попросить, чтобы мне привезли новую клавиатуру, ушло пару минут. Еще пятнадцать заняли доставка и подключение. Первым делом я проверил, работает ли на новой клавиатуре точка. Точка пропечатывалась как нельзя лучше, поэтому я спокойно переключил телевизор на спортивный канал, а мои пальцы занялись творчеством. И только спустя несколько дней я заметил, что клавиша, которой соответствует точка, иногда западает и при однократном на нее нажатии печатает по три знака подряд. Поэтому несколько моих следующих романов преисполнились многозначительной недосказанностью...

Как-то раз, исследуя внутренности холодильника в поисках очередной баночки пива (пить приходилось прямо из банки, через трубочку, чтобы руки оставались свободными), я нечаянно прищемил дверцей указательный палец левой руки. Палец сильно распух и в этот день больше не мог печатать. Результат: вечером мой принтер выплюнул на тридцать страниц текста меньше, чем обычно. Этот случай заставил меня сильно поволноваться.

Что будет, если что-нибудь случится с моими пальцами? Ведь именно они — единственный источник моего существования. И если честно, то не только моего.

Я стал лучше понимать пианистов и хирургов с их почти фанатичной заботой о пальцах. Я стал крайне осторожен при выполнении руками каких-либо действий, даже самых примитивных. Опасаясь возможной инфекции, я надел на руки перчатки, которые снимал разве только для того, чтобы заменить их на новую пару. Я застраховал свои пальцы сразу в нескольких страховых компаниях — именно в нескольких, поскольку опасался, что какая-нибудь из них может внезапно обанкротиться. В среднем получилось около миллиона долларов на каждый палец. На большие пальцы — чуть меньше: в конце концов, нажимать на пробел я смог бы и одним из них.

По ночам меня стали мучить кошмары. Например, я тщетно пытаюсь спастись бегством от группы преследующих меня молочайников. Они неизменно настигают меня, берут на кольцо, и их предводитель обращается ко мне голосом, от которого кровь стынет в жилах: «Так ты действительно считаешь, что какой-то жалкий Лурхв Вуавр может взять нас в плен?» А потом они извлекают из ножен крохотные ножички, причем я сразу понимаю, что единственное предназначение этих ножичков — отрезание пальцев...

Остаток ночи в таких случаях я проводил уже без сна. За компьютером. В искренней надежде на то, что как раз сейчас Лурхв Вуавр, повинувшись движению моих не знающих сомнений пальцев, подвергнет злобных тиарцев изощреннейшим пыткам...

Неудивительно, что за всеми этими волнениями я не сразу осознал причину какого-то смутного беспокойства. И в самом деле, разве стоит придавать особое значение тому фак-

ту, что пакет с письмами от фэнов, который мне раз в неделю доставляют с почты, стал на пару фунтов легче? Или тому, что чуть реже поступают приглашения поприсутствовать в качестве почетного гостя на каком-нибудь официальном мероприятии? Или, наконец, тому, что ни одно из моих произведений, написанных за последний год, не получило премии или награды. Вообще никакой!

Потом стало понятно, что это были только внешние проявления мрачной, разрушительной тенденции. Я заметил бы ее много раньше, если бы хоть иногда читал те творения, которые публиковались под моим именем. Увы, в течение последнего года у меня до этого руки не доходили. Надеюсь, вы меня понимаете?

Итак, подозревая неладное, я подошел к стеллажу с моими книгами (это был уже четвертый стеллаж, и заполнялся он с катастрофической скоростью) и заставил себя взять в руки мою последнюю, только накануне присланную из издательства, книгу. На суперобложке в ярких красках был изображен муравейник, из которого наполовину высовывалась бомба с горящим фитилем. У меня не возникло ни единого предположения, о чем эта книга. Ее название — «Блуждающий микроорнитобус» — свежих версий тоже не прибавило. Наугад раскрытая страница поразила меня в самое сердце такими строчками: «Стрела, пущенная его твердой рукой, пронзила бронжилет пришельца и поразила его прямо в верхнее сердце...»

И это написал я?!

Впрочем, чему здесь удивляться? Любой, даже самый гениальный автор в конце концов испишется, утратит яркую индивидуальность, если будет каждые три дня выдавать на-гора по новому роману. Разве не так? Вы знаете исключения? Увы! Подобно многим моим широко известным коллегам, я превратился в банальнейшего поставщика макулатуры.

На долгое время я погрузился в глубокую депрессию. Звук нажимаемых клавиш казался мне попеременно то чересчур зловещим, то каким-то невыносимо скучным.

Но я все-таки еще не до конца сдался. В глубине души я лелеял надежду, что когда-нибудь вновь поверну стрелку часов в мою сторону. Я думал. Я много думал.

И вот однажды... Господи, какое забытое ощущение!

Возникла идея совершенно нового романа. Пока только идея, голый костяк повествования. Но по мере того, как день за днем он обрастал все новыми и новыми подробностями, я начал понимать, что ничего подобного еще не писал. Да что я! Господи, поправь меня, если я ошибаюсь!.. В общем, в этот миг я был вне себя от счастья!

Дело было за малым. Так, пустячок, небольшая проблемка. Я не мог заставить мои руки — мои пальцы! — подчиниться мне!

Нет, одну-две фразы я еще успевал напечатать сознательно. А потом мои быстрые пальцы уносились куда-то прочь, к своей невидимой цели, оставляя меня, охваченного бессильной злобой, далеко позади.

Чтобы решить эту проблему, не потребовалось много фантазии, а вот решимости потребовалось немало. «Как говорится, косяк клином вышибают!» — вспомнил я один из каламбуров мистера Зоза и на негнущихся ногах двинулся в сторону холодильника.

Мистер Зоза приехал ко мне примерно через неделю, поздним вечером, обеспокоенный тем, что от меня так долго не поступало новых рукописей. И, увидев меня с: а) обеими заглупованными руками, б) двумя одинокими указательными пальцами, нелепо торчащими из гипса, и в) счастливым выраже-

нием лица, не меняя которого я сосредоточенно тыкал этими пальцами по клавиатуре, — впал в полную прострацию.

А потом он закатил мне грандиозный скандал, хотя сам прекрасно понимал, что от несчастного случая не застрахован никто. (Кстати, забегая несколько вперед, скажу, что страховку мне так и не выплатили, обвинив в сознательном членовредительстве. Ну что я им мог ответить?) С выражением почти священного ужаса на лице мистер Зоз кричал о том, что я сорву ему все контракты с издателями и что лучше бы я тогда сразу прищемил себе голову, раз уж все равно ничего полезного ею сделать не в состоянии. А я, почти не реагируя на его слова, думал про себя: «Господи, как же он постарел!..»

Когда он немного успокоился и обессиленно откинулся в кресле, я мягко объяснил ему, что он, пользуясь его же собственной терминологией, бросает камни не совсем в тот огород. И что не все так мрачно, как он пытается представить. В конце концов, врачи сказали, что гипс через месяц-два можно снять. (При слове «месяц» мистер Зоз молча всплеснул руками.) И что когда все эти неприятности закончатся, я вновь потрясу мир новым шедевром, причем таким, что, возможно, даже возникнет необходимость в пересмотре самого понятия «шедевр»... Мистер Зоз заверил меня, что искренне надеется именно на такое развитие событий, сел в машину (к моему удивлению, это оказалась всего-навсего ярко-красная «ламборджини») и умчался в ночь...

А я наконец-то снова почувствовал себя настоящим творцом, а не просто механической приставкой для набора текстов.

7

Я трудился над романом полгода. Вы только вслушайтесь — полгода! А когда закончил, сразу же позвонил литературному агенту и предложил ему, не мешкая, приехать ко мне. Он не заставил себя долго ждать, появился уже через час и заполнил собой мое лучшее кресло.

— Посмотрим, посмотрим, — с надеждой пробормотал мистер Зоз и взял в руки первый листок из большой стопки, которую я ему торжественно преподнес.

Ожидание неземного удовольствия — вот таким было выражение его лица. Впрочем, и моего тоже, наверное. Я радостно наблюдал за мистером Зозом, представляя по памяти, какой именно фрагмент романа он сейчас читает.

Но подробнее. Мистер Зоз начал чтение, еще не до конца стерев с лица свою обычную, с оттенком скепсиса, улыбку. На первых страницах он иногда прерывался, чтобы тактично напомнить мне, например, что слово «притензии» (как это выведено у меня) все-таки лучше писать через «е». Но потом замолчал и с головой погрузился в захватывающее повествование. Выражение легкого удивления на его лице постепенно уступало место самому настоящему изумлению.

А я наблюдал за ним и думал о том, что все мои усилия, все лишения, на которые я себя обрек, и все испытания, через которые прошел, — все это не зря. Да, именно так!.. Примерно на середине рукописи мистер Зоз, видимо едва сдерживая чувства, прервал чтение и долго смотрел мне в глаза. Молча. О, как я его понимал! Ведь он как раз добрался до кульминационного момента романа. Я и сам, когда писал эту сцену, не смог удержаться от слез... Но мистер Зоз справился с волнением. Страницы рукописи замелькали с возрастающей скоростью, хотя пальцы моего литературного агента мелко дрожали. Я мучительно пытался отогнать от себя всяческие ассоциации со «священным трепетом».

Нетерпение мистера Зоза легко объяснялось: ведь действие романа было закручено стремительной спиралью, и чем ближе к концу, тем сильнее. Поскорее узнать, чем все закончит-

ФАНТАСТИКА

ся! Его глаза уже скользили по строчкам рукописи со скоростью молний, а по лбу медленно скатывались бисеринки пота. Если бы он знал, какой неожиданный конец я приготовил для него! Решительный поворот сюжета на тысячу градусов!

И вот — все. Мистер Зоз издал сдавленный стон и отложил последний листок на неровную стопку прочитанной рукописи. Глаза его были выпучены.

— Но ведь это же... — начал он хриплым голосом, но не смог продолжить, закашлявшись.

Мне было хорошо понятно его состояние. Сам я тоже не сразу смог бы подобрать подходящий эпитет для своего творения.

«Господи, — подумал я, наливая ему воды, — а ведь это — мой литагент, у которого, кажется, уже выработался иммунитет к моему творчеству! Что же тогда станет с обычными читателями, когда они дочитают этот роман?» И мысленно еще раз поздравил себя с полной победой.

Мистер Зоз одним глотком осушил стакан и предпринял вторую попытку высказаться. На сей раз она ему удалась:

— Но ведь это же слово в слово твой «Апокалипсический удар», который мы уже издавали, и не помню когда! Э... примерно в сорок пятом томе собрания твоих избранных произведений. Он тогда еще не имел особого успеха... Только главного героя там звали как-то по-другому. Постой-ка, я сейчас вспомню...

8

Ну вот и все.

Гипс мне давно сняли, и я снова с обреченностью каторжника сижу за своим столом и слушаю монотонное пощелкивание клавиш. Строчки, равномерно и непрерывно заполняющие экран, сливаются в одно большое пятно серого цвета. Это потому, что в глазах у меня стоят слезы.

И я даже не могу вытереть их, потому что моим пальцам некогда отвлекаться на подобные мелочи — ведь они как раз сейчас печатают этот рассказ.

А я все надеюсь, что, может быть, хотя бы в этот раз мой Слепой Бог с Десятью Пальцами посмотрит мне в глаза.

К О Н Е Ц

